

Станислав Игнацы Виткевич Дюбал Вазахар, или На перевалах Абсурда

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161870

Станислав Игнацы Виткевич «Сапожники», серия "Библиотека
журнала «Иностранная литература»: Известия; Москва; 1984

ISBN 5-206-00029-9

Аннотация

Станислав Игнацы Виткевич (1885 – 1939) – выдающийся польский драматург, теоретик театра, самобытный художник и философ. Книги писателя изданы на многих языках, его пьесы идут в театрах разных стран. Творчество Виткевича – знаменательное явление в истории польской литературы и театра. О его международном признании говорит уже то, что 1985 год был объявлен ЮНЕСКО годом Виткевича. Польская драматургия без Виткевича – то же, что немецкая без Брехта, ирландская без Беккета, русская без Блока и Маяковского.

Содержание

Действие первое

8

Конец ознакомительного фрагмента.

27

**Станислав
Игнацы Виткевич
Дюбал Вахазар, или
На перевалах Абсурда
Неэвклидова драма
в четырех действиях**

*Es ist doch teuer zu Macht zu kommen – Die Macht
verdummt.¹*

Friedrich Nietzsche

Посвящается Тадеушу Лянгеру²

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дюбал Вахазар – выглядит лет на 40. Длинные черные висячие усы. Черные всклокоченные волосы,

¹ «Однако власть достается дороговато – она оболванивает». Фридрих Ницше (нем.).

² Тадеуш Лянгер – близкий друг Виткевича, участник многих его литературно-художественных начинаний.

черные глаза. По малейшему поводу изо рта льется пена.³ Очень широкие светло-зеленые шаровары, из-под них видны высокие фиолетовые сапоги. Бордовый френч. Мягкая черная шляпа. Титан. Голос хриплый.

Свинтуся Макабреску – десятилетняя девочка, блондинка, вся в белом с розовыми ленточками. Прелестна как ангелок. Глаза черные, огромные.

Донна Скаброза Макабреску – ее мать, 26 лет, очень красивая блондинка. Ангелоподобна, как и дочь. Глаза светлые.

Донна Любрика Террамон – 23 года. Рыжая, черноглазая, подруга донны Скаброзы.

Симпомпончик – восьмилетний сынок донны Любрики. Блондин. По большей части молчит.

Николай Визгоморд – мельник. 50 лет. Толстый. Бритый. Блондин с красной рожей.

Юзеф Рыпман – медик. Высокий, худой. Подстриженные усы. Блондин.

Лидия Бухнаревская – портниха. Брюнетка. 30 лет. Довольно мила, но вульгарна.

Ябухна Должняк – прислуга 23 лет. Недурна собой. Волосы темные. Глаза светлые.

Флетриций Дымонт – литератор. Худой, маленький, 38 лет. Блондин. Длинные волосы. Безусый и

³ Этого очень легко добиться, если предварительно сунуть в рот пастилки Виши [Концентрат солей, выделенных из щелочных минеральных вод французского курорта Виши.] или крошки пиперазина [Бесцветное кристаллическое вещество, легко растворимое в воде; применяется как глистогонное средство.] магистра Клявого (прим. автора).

безбородый.

Отец Унгвентий – 92 (девяносто два) года. Верховный жрец отступнической секты перпендикуляристов. Седой брюнет без бороды и усов. Теоретик. Длинное черное одеяние в обтяжку с белыми пуговицами в один ряд. Высокий черный остроконечный колпак с крыльями по бокам.

Отец Пунгентий – монах, 54 года. Главный фофулат⁴ отступнического ордена босых пневматиков. В сандалиях. Родной брат отца Унгвентия, очень на него похож. Его отличает черная борода до колен и длинные, черные, свисающие до пола волосы. Коричневая монашеская ряса с рисунком в желтое колечко. Подпоясан желтым вервием⁵.

Четверо перпендикуляристов – бритые пожилые господа, одетые точно так же, как отец Унгвентий, но колпаки у них без крыльев, со срезанным верхом.

Двое босых пневматиков – в сандалиях. Одеты так же, как отец Пунгентий, но рясы у них без желтых колечек.

Четверо палачей – в красных трико и красных треуголках «en bataille»⁶ с черными перьями. Поверх трико короткие, до середины бедра, черные юбочки.

Первый палач – седой, с коротко подстриженными

⁴ От польского *fafula* – «растяпа, фофан» и *infulat* – «митроносный священник».

⁵ Основные цвета костюмов и декораций должны быть следующих оттенков: желтый – оранжевый кадмий, красней – французская киноварь, черный – жженая кость (прим. автора).

⁶ заломленных набекрень (франц.).

седыми усами и короткой прической.

Второй и третий палачи – черные бородачи.

Четвертый палач, Морбидетто – молодой человек с жестоким женоподобным лицом. Глаза зеленые, раскосые. Длинные, кудрявые рыжие волосы.

Шестеро из лейб-гвардии Вахазара – бритые, одеты в английского покроя униформу цвета хаки с белыми отворотами. Черные треуголки с голубыми перьями, надетые самым обыкновенным образом.

Барон Оскар фон ден Бинден-Гнумбен – командующий лейб-гвардией Вахазара. Красивый гладко выбритый господин 30 лет. Одет так же, как его солдаты, кроме того, на нем золотые эполеты с красными нашивками.

Толпа людей с прошениями – рабочие, господа в цилиндрах, бабы, элегантные дамы, денди и дендинетки.

Действие первое – приемная при зале аудиенций во дворце Вахазара.

Действие второе – красный кабинет во дворце Вахазара.

Действие третье – подземелье в тюрьме на улице Гениальных Оборванцев.

Действие четвертое – та же комната, что в первом действии.

Действие первое

Приемная при зале аудиенций во дворце Вахазара. На заднем плане и слева – двери. Черные стены. Окон нет. На стенах красный узор: сплошная линия зигзагов разной величины, острия которых увенчаны желтыми языками пламени. Две желтые колонны в красную спиральную полосу. В углу у левой двери столик со стаканом и громадным голубым сифоном для содовой воды. Рядом, на центральной стене, вешалка, на ней военная шинель цвета бордо с золотым позументом и золотым шитьем. Ни одного стула. Вдоль правой стены внушительных размеров застекленный книжный шкаф. Справа от центральной двери висит огромный портрет Вахазара в кубистской манере, однако весьма похожий на модель. На полу черный ковер, на нем, посередине – желтая звезда на красном фоне. Толпа людей с прошениями у центральной двери. Некоторые нервно расхаживают взад-вперед. У всех в руках огромные, с одной стороны исписанные листы бумаги, с другой они точно такие же, как ковер, – черные, с желтыми звездами на красном фоне. Наверху лампа. На колоннах горят еще две, обращенные одна к другой. Левая дверь, обитая ярко-красной тканью, напоминает стеганое одеяло. Над ней гигантское пурпурное чучело птицы с голубой цепью в клюве. Среди толпы: донна Скаброза со Свинтусе й, донна Любрика с Симпом-пончиком,

Флетриций Дымонт, Лидия, Ябухна, отец Пунгентий с двумя босыми пневматиками, рабочие, господа в цилиндрах, бабы, элегантные дамы, денди и дендинетки. Скаброза в светло-синем платье, Любрика в зеленом. Флетриций: светлый серо-зеленый прорезиненный плащ, белые перчатки, на голове берет. Свинтуся в белом с розовыми ленточками. Ябухна в поношенном лиловом платье и в платке зеленовато-салатного цвета. Симпомпончик во всем темно-синем. Лидия в глубоком трауре. Все говорят шепотом, потом все громче; наконец раздаются отдельные выкрики.

Первый господин в цилиндре (глядя на часы). Три часа ночи. Предлагаю разойтись.

Дендинетка (в оранжевом платье). Это невозможно! Я здесь уже шесть часов стою и жду.

Первая баба (серый платок, лохмотья). Тут речь об угрозе полной девальвации всякой оценки фактов. Я потерплю.

Второй господин в цилиндре. Не морочьте мне голову своей оценкой фактов.

Первая дама (в черном). Для оценки фактов у нас нет критериев.

Вторая баба (красный платок, лохмотья). Вот именно. В государстве шестимерного континуума любые критерии – вещь по сути своей слишком банальная.

Денди (растирая коленки). Ох! До чего же больно!

Свинтуся. Натри камфарным маслом.

Скаброза. Тише, детонька. Эта крошка поразительно вы-

нослива.

Вторая дама (в красном, оборачиваясь к левой двери и падая на колени). Там – ОН! Наш повелитель! Единственный хозяин всех стихий и беспредельных полей общей гравитации!

Вторая баба. Рехнулась! Думает, здесь никто не знает теории Эйнштейна. Да теперь в средней школе проходят абсолютное дифференциальное исчисление.

Первая баба. Да здравствует Гаусс! Да здравствуют обобщенные координаты! Теперь мы все знаем, что такое тензоры ⁷!!!

Вторая дама (*бьет поклоны перед левой дверью*). Я хочу уждаться насмерть! Мне кажется, я с бесконечной скоростью падаю в бездну абсолютной неизбежности! В каждой секунде – бесконечность.

Первый господин в цилиндре. А с меня хватит! Идемте все к нему! Войдем в кабинет и скажем, что больше мы не в силах ждать.

Дендинетка (*кудахчет*). Да-да-да. Идемте. (*Направляется к левой двери.*)

Вторая дама хватается ее за ногу.

Вторая дама (*с истерическим смехом*). Не ходите туда! Слышите? Гневается наш владыка, жестокий наш божок.

Все прислушиваются. Из-за левой двери доносятся муж-

⁷ Сложные математические величины, применяемые в неевклидовых геометриях и теории относительности.

*ские стоны и громоподобные неразборчивые звуки голоса Ва-
хазара.*

Первый господин в цилиндре. Ах! Это, право, свинство!
Я больше не могу.

Флетриций (*подходит к нему*). Князь, сколько вы ждете?

Первый господин в цилиндре. Уже пять часов подряд! Это
невыносимо!

*Комкает свою бумагу и швыряет на пол. Флетриций хо-
чет.*

Флетриций. Ха-ха, и он полагает, что ждет! Знаете ли вы,
князь, сколько жду я? Три ме-ся-ца! Три – по шесть часов
каждый день. Речь идет о постановке моих пьес.

Голоса: «Да! Да! И мы тоже!» «Я жду уже сорок пять
дней!» «А я – две недели!»

Вторая дама (*все еще на коленях, перекрикивает осталь-
ных*). Я вконец уждусь! У меня от ожидания уже кишки
вспухли. Все во мне вздулось и только ждет, ждет – без кон-
ца. В аду нет никаких мучений. Там только ждут. Преиспод-
няя – это один огромный зал ожидания.

Голоса: «Идемте!» «Больше не могу!» «Стучите в двери!»
«Идемте!»

*Толпа бурлит. В центральную дверь входит Гнумбен, рас-
талкивая всех. Те, кто его увидел, тут же замолкают. Во-
царяется полная тишина. Гнумбен прохаживается по ком-
нате, разглядывая всех испытующе и ядовито.*

Первый господин в цилиндре (*Гнумбену*). Господин капи-

тан, тут одна дама сошла с ума от ожидания. (*Указывает на вторую даму, которая не переставая бьет поклоны.*) Так нельзя. Это же...

Гнумбен (*холодно*). Молчать!

*Первый господин умолкает. Все беззвучно расступаются перед Гнумбеном. Гнумбен exit.*⁸ *Первый господин подбирает измятую бумагу и, тихо чертыхаясь, старательно разглаживает ее на своей ляжке.*

Вторая дама (*указывая на шинель, висящую рядом со столиком*). Смотрите! Вот символ его власти. Чистая форма его могущества, которая только ждет случая, чтоб воплотиться в упоительные движения его чудовищного тела!

Первый господин в цилиндре (*разглаживая бумагу*). Ну каналы! А, черт бы их! Ах, проклятье! Чтоб их чума заела!

Флетриций (*первому господину*). Успокойтесь, князь. Это была отличная шутка. Я и сам держусь только благодаря тому, что на все смотрю как на отрывок из фантастического романа.

Первая дама. Да уж, если живешь так, как мы, можно вообще не читать бульварных романов. Сама жизнь все равно что...

Левая дверь распахивается, и из нее, награвленный сильнейшим пинком, вылетает Николай Визгоморд, весь вываленный в муке, с гигантским мешком в руках. Он падает рядом со второй дамой – прямо на мешок, который от этого

⁸ ВЫХОДИТ (*лат.*).

лопается. Мука рассыпается. Дверь остается открытой. Все, оцепенев от ужаса, смотрят налево. Господа снимают цилиндры. Флетриций снимает берет.

Вторая дама. Это он, единственный наш – бог вечного ожидания. О, приди! Да свершится жертвоприношение!!!

Из-за левой двери выскакивает Дюбал Вахазар, рыча и изливая белую пену на свой бордовый френч.

Вахазар Хаааааааааааа!!! (Останаавливается, заложив руки в карманы шаровар. Тут же вынимает правую руку и указывает на вторую даму.) Вышвырнуть эту падаль!!!

Второй господин в цилиндре и один из рабочих хватают вторую даму и поспешино выволакивают ее в центральную дверь.

Ладно! (Первому господину в цилиндре.) Валяй первый!!! (Указывает на левую дверь.)

Первый господин колеблется.

Первый господин в цилиндре (подобострастно). Только после Вашей Единственности. *Après vous* ⁹... Пожалуйста...

Вахазар хватает его за шиворот и, толкнув в кабинет, захлопывает за собой обитую красным дверь. Возвращаются второй господин и рабочий, которые только что выволокли вторую даму.

Рабочий. Ее забрали в желтый дом.

Второй господин (вытирая лоб). Ах! Какой кошмар! Она прождалась. Может ли быть что-нибудь ужасней!

⁹ После Вас (франц.).

Вторая баба. Рано или поздно всем нам это предстоит: мы прождемся напрочь.

Из-за двери доносится страшная ругань Вахазара. Все прислушиваются.

Флетриций *(на фоне общего молчания)*. А ведь иногда, если выбрать подходящий момент, с ним можно делать все что угодно. Надо только круто взяться: фамильярно и грубо. Удивительная психология у этого подонка.

Визгоморд *(поднимается)*. Раз так, я должен попробовать.

Первая баба. Только берегитесь, Николай. Если сразу дело не пойдет – вам крышка.

Из-за левой двери появляется Рыпман. Пока дверь открыта, слышен дьявольский рык Вахазара.

Рыпман. Бумаги у всех в порядке?

Голоса: «Так точно, господин доктор!» «У всех!» «Всё в порядке!»

Прошу потише. Меня очень тревожит сердце Его Единственности. У него пульс сто сорок шесть в минуту. Прошу не выводить его из равновесия, иначе я буду вынужден прервать прием.

Дендинетка. Побойтесь бога, господин доктор! Я уже седьмой час жду. Ног под собой не чую. *(Садится на пол.)*

Рыпман. Вы что, сударыня, черт побери, издеваетесь?! Здесь есть люди, которые ждут месяцами, по десять часов каждый день, а она тут суется со своим седьмым часом! То-

же мне дамочка!

Первая баба. Жуткий эротизм Его Единственности меня просто потрясает.

Рыпман. Сила этого человека сверхъестественна. Я медик, но ничего не могу понять. Это какие-то неизвестные источники психической энергии. Я себе уже голову сломал, и не только голову, но все равно ума не приложу – что все это может значить.

Флетриций. Наркотики?

Рыпман. Да где там! Его Единственность – образцовейший из всех известных мне трезвенников. Он спит один час в сутки, редко полтора. А работает как сотня паровых гиппопотамов. Иллирийского посла до сих пор откачать не могу после сегодняшней аудиенции. Они разработали новый проект воспитания девочек. Шедевр. Пальчики оближешь.

Донна Скаброза. Это как раз то, что мне нужно. Я здесь первый раз. Господин доктор, вы не могли бы рассказать подробнее?

Свинтуся. И мне тоже. Я хочу стать придворной дамой Его Единственности. Хочу, чтоб у меня это было записано в красном билете – как у маленькой принцессы из Вальпургии.

Рыпман (Скаброзе). Извольте. Нет ничего проще.

Я восхищен вами.

Визгоморд выходит в центральную дверь. Все слушают разговор Скаброзы и Рыпмана.

Так мало матерей, которые решаются на это, а ведь резуль-

тат просто великолепен. Однако требуется полная изоля...

Левая дверь распахивается, из нее вылетает первый господин, которому только что дали сильного пинка под зад. За ним Вахазар – весь его френч в пене.

Дендинетка вскакивает с пола.

Вахазар (*рычит*). Хаааааааа!!! Ты, похабник, ты, дубина стоеросовая!!! Ты, гнида угреватая!!!

Первый господин валится на пол.

Ты смеешь являться ко мне с измятой бумажонкой и при этом еще подписываться «князь» – а? Ах ты хромотень! Сизигамб ты надтреснутый!!! (*Обводит взглядом присутствующих.*) Слушать меня!!! Я уже говорил, что для меня все равны. И ты, старая жаба, и ты, хам, дегенерат городской, и ты, лахудра, и ты, долговязая дохлятина. (*Указывает по очереди на первую бабу, на рабочего, на дендинетку и на первого господина, который, вскочив, вытягивается по стойке «смирно».*) Вы все – ничто, абсолютный ноль. Ради вас я посвятил себя делу наитруднейшему – полному одиночеству. Мне нет равных. Не в том смысле, как императорам или королям – я в ином духовном измерении. Я гений жизни – я столь велик, что Цезарь, Наполеон, Александр и им подобные ветрогоны рядом со мной – ничто, прах, такой же, как и вы! Вам понятно, сморчки сушеные? У меня мозг – как бочка. Я могу быть кем только захочу, кем бы я ни пожелал. Вы понимаете меня? А???

Флетриций (*дрожащим голосом*). Кажется, до некоторой

степени я начинаю немного понимать.

Вахазар. Я тебе дам «некоторую степень»! А не хочешь ли ты до некоторой степени сдохнуть, ты, вшивый скорпион? А???

Флетриций (*полуобморочно*). Я... ничего... Ваша Единственность...

Вахазар (*мягче*). Тогда молчи и слушай. Я вижу, ты достаточно умен. (*Обращается ко всем.*) Я жертвую собой ради вас. Никто из вас не может этого оценить, и я от вас этого не требую. Знаю, вы говорите обо мне чудовищные вещи. Об этом я ничего не хочу знать. У меня нет и не будет доносчиков – так же, как нет министров. Я один, как господь бог. Сам управляю всем и сам отвечаю за все – только перед самим собой. Я и себя могу приговорить к смерти, когда мне придет охота, в случае, если окончательно решу, что проиграл. У меня нет министров – в этом мое величие. Я один, я одинокий дух – как пар в машине, как электрическая энергия в батарее. Но зато уж у меня действительно машина, а не какое-нибудь там полудохлое месиво. Мои чиновники – все равно что автоматы, вроде тех, что стоят на вокзалах. Опускаешь цент, и вылетает шоколадка – а не мятный леденец: шо-ко-лад-ка. (*Флетрицию.*) Понимаешь ты это? А??

Флетриций. Да, теперь вполне понимаю. Пожалуй, впервые...

Вахазар (*обрывает его*). Ну и слава богу. Радуйся, что понял, и заткнись. (*Напыщенно, патетическим тоном.*) Я

веду вас к счастью, о котором вы пока и мечтать не можете. Я один знаю это. Каждый будет лежать в своей коробочке с ватой, подобно бесценному бриллианту – одинокий, один-единственный в сверхчеловеческом величии своей глубочайшей сути: такой же, как я теперь. Но только я страдаю как тысяча чертей, принося себя в жертву ради вас, и терплю даже то, что вы считаете меня диким хамом – таким же, как вы сами (*первому господину*), включая тебя, князь, ваша милость. Я чист, как непорочная девица, размышляющая о белых цветах метафизической любви к своему Единственному Божеству. Я один-одинешенек, как удивительный метафизический цветок, возросший в мрачном центре Вселенной, я одинок, как жемчужина, скрытая внутри погребенной на дне устрицы...

Флетриций взрывается истерическим хохотом и в судорогах падает на пол.

Смейся, идиот. Я знаю, что не умею говорить на твоём паршивом литературном языке. Смейся. Я тебя за это не осуждаю. Любой из вас может выложить мне все прямо в лицо, да только никто не отважится, потому что за это – смерть, дорогие мои господа. Ничего не поделаешь. Но доносчиков у меня нет. И в этом часть моего величия. Говорю вам: новых людей можно создать, только уничтожая, а не вкладывая каждому в голову высокие мысли, как это делает господин писатель. Пусть себе забавляется, а я тем временем буду уничтожать – во имя прекраснейших сокровищ, во имя

тех чудесных цветочков, которые расцветут в душах ваших детей, когда они очнутся в пустыне духа и будут выть, умоляя хоть об одной капле этого чего-то, этого неизменного, великого, но и столь малого, что найти его можно в каждой букашке, в каждой травинке, в каждом кристаллике, замурованном в скале...

Флетриций (*поднявшись, обрывает его*). Неужели и в клопе, который тебя кусает ночью, о Ваша Психическая Неэвклидовость?

Вахазар (*холодно, но с дрожью в голосе*). Что?

Флетриций (*грубо*). Я спрашиваю, неужели и в клопе тоже? Ты, старый фигляр!

Вахазар свистит, сунув два пальца в рот; толпа расступается, на бешеной скорости врываются шестеро гвардейцев во главе с Гнумбенom.

Вахазар. Немедленно расстрелять этого шута!!! (*Указывает на Флетриция.*)

Гнумбен. Есть. Взять его.

Указывает своим людям на Флетриция. Гвардейцы тут же выволакивают литератора, тот не оказывает никакого сопротивления.

Вахазар (*завершает речь*). Так вот, я хочу вам дать хоть немного этого. И дам, даже если вам придется пройти через такие муки, по сравнению с которыми то, что происходит теперь, покажется вам истинным наслаждением.

Все слушают, оцепенев от страха.

Первая баба. Ну хорошо, Ваша Единственность, только что же такое то самое все *это*, о котором вы толкуете, вот в чем дело. Я об этом уже где-то слышала, но так и не поняла, хотя хорошо знаю теорию Эйнштейна.

Вахазар (*вытирая избыток пены с френча*). Видишь ли, старуха, этого я и сам не знаю. Тут ни мне, ни тебе и сам Эйнштейн не поможет. Я мог бы узнать, да не хочу. Тогда я потерял бы способность действовать. (*Всем.*) Вам понятно? А?

Молчание.

Если бы я хорошо знал, в чем тут дело, если бы я все понимал так же, как эта старуха, да, впрочем, и я сам тоже понимаю Эйнштейна, я ничего не мог бы для вас сделать.

За сценой слышен винтовочный залп.

О – одним литератором меньше. Сразу воздух посвежел. Сам не люблю писать и графоманов не выношу. Собачье племя, черт бы их подрал!

Старый рабочий. Ну ладно, Ваша Единственность, вот вы сами сказали: пока не будет ничего, кроме страданий. Я, положим, верю, что наши внуки и так далее, но мы-то – мы что с этого будем иметь?

Вахазар. По всей вероятности, ничего, и это вовсе не так трагично, как кажется. Мы должны выйти за рамки лично-го – иначе нам никогда ничего не создать. Я хочу вернуть человечеству то, что оно утратило и ценой чего стремится стать – если уже не стало, – чем-то в точности таким же, как

улей, муравейник, стая саранчи, осиное гнездо или что-нибудь еще в этом роде.

Первая баба. Так-то оно так, да только мы, старики, тоже хотим отдохнуть. Вы-то, Ваша Единственность, в свое время насладились жизнью, пожили в свое удовольствие. А нам – шиш. Все как было, только еще хуже.

Скаброза. Это точно. Он насладился всем чем угодно, под завязку. Уж я-то его знаю.

Вахазар (*Скаброзе*). Прошу меня не прерывать! (*Бабе.*) Вы что же думаете – речь о вас идет, о вас как таковых? Да ничего подобного. Кто это вам сказал? Тут речь даже не обо мне – не обо мне самом. Я мучаюсь больше всех. Радуйтесь, что вы страдаете рядом с таким человеком, как я. Не вынуждайте меня заниматься пустой болтовней, а главное – не вынуждайте думать. Ведь если бы я захотел, я бы сегодня же ночью все обдумал, а утром встал совершенно другим человеком и ничего, буквально ничего уже не мог бы сделать. Вот вы жалуетесь, что иной раз вам приходится подождать пару месяцев, пока рассмотрят прошение. Иудеи тоже ждали мессию, и только потому у них теперь есть Кантор, Бергсон – о, как я ненавижу этого болтуна, Маркс, Гуссерль, Эйнштейн... Не подумайте, что я филосемит – это только факты.

Первая баба. Ну да, евреи ждали, ждали, да только переждали, а когда мессия явился – прикончили его.

Вахазар. Баба, не испытывай мое терпение. Не ты, так внучка твоя будет счастлива.

Старый рабочий. Но я-то, я. Мне-то что с того?

Вахазар (*передразнивает*). Я! Я! Я! Если бы я рассуждал так же, вы были бы сейчас стадом баранов. А так вы по крайней мере чего-то ждете. (*Смеется.*) Вы, наверное, думаете, что я слишком много болтаю, что за это время я уже мог бы уладить все ваши дела. Ладно! Ну! Давай бумажку – кто там крайний! (*Вырывает бумагу у старого рабочего.*)

Рыпман (*в тот же миг хватая его за руку и начинает считать пульс*). Ваша Единственность: сто семьдесят пять. Ни минуты больше. Конец.

Вбегают Визгоморд с бумагой и бутылкой вина в руках.

Визгоморд (*продираясь через толпу*). Эй – Дюбал! А ну давай ко мне. Дело есть. (*Бьет Вахазара кулаком по затылку.*) Читай, холера, не то мослы переломаяю.

Вахазар молча продолжает читать прошение старого рабочего. Рыпман сует ему градусник под френч.

Первая баба (*изумленно*). Надо же, как это его до сих пор никто не пристукнул!

Вахазар (*вырывает градусник из-под мышки и швыряет об пол*). Видишь ли, баба, у меня есть особый флюид. (*Рвет на клочки прошение старого рабочего.*)

Визгоморд (*слегка обескураженный, делает вторую попытку – бьет Вахазара кулаком по голове*). Эй, будешь ты мне отвечать, чурбан ты этакий! Мельница должна работать. Нет у меня времени на твои фанаберии!!!

Вахазар (*словно пробудившись ото сна*). Что-что?

Визгоморд (*в отчаянии*). То, что мельница должна сегодня же работать!! Давай подписывай, зараза, и обмоем это дело.

Напряжение в толпе нарастает.

Вахазар (*безумно*). Гм... Это забавно!

Визгоморд (*в полном неистовстве*). Подписывай, сучий потрох, и пей!!!

Вахазар. Ну и что тебе за прок в этом?

Визгоморд (*остолбенев*). Ни-ничего: то, что мельница завертится, когда ты подпишешь. (*С внезапной яростью.*) Брось шутить, ты, кишка скрученная, а то как врежу – пикнуть не успеешь!!!

Вахазар (*берет бумагу*). Я придерживаюсь совершенно иного мнения, но подписать могу. (*Подписывает бумагу чернильным карандашом и отдает Визгоморду.*) А вина с вами пить не стану, Николай. Идите скорей на мельницу. (*Пожимает ему руку.*)

Визгоморд выходит, схватившись за голову.

Рыпман (*на фоне шепота, начавшегося после того, как напряжение стало спадать*). Ваша Единственность, больше ни одного прошения, иначе вы умрете. Разрешаю Вашей Единственности заняться еще только одним делом – вот этой госпожи. Ее дочь хочет стать придворной дамой нового типа. (*Скаброзе.*) Прошу поближе. Остальные могут покинуть помещение.

Люди, ропща, медленно разбредаются, толкаясь в дверях.

Остаются только донна Скаброза со Свинтусей, донна Любрика с Симпомпончиком и Лидия Бухнаревская.

Скаброза (*подходит ближе*). Ты не узнаешь меня, дядюшка Мачей?

Вахазар (*неуверенно*). Нет.

Скаброза. Разве ты не помнишь, как был председателем у синдикалистов? Это же я, Дзиня, дочь барона Веш-шеньи, который погиб, спасая тебе жизнь. В награду за это я два года была у тебя на воспитании. Ведь ты – Мачей де Корбова.

Вахазар. Может, я и был им когда-то и, может быть, все это правда, но никакого отношения к делу не имеет. Я вычеркнул прошлое из своей жизни. Дальше что?

Рыпман. Да, сударыня, Его Единственности, при его состоянии здоровья, противопоказаны любые воспоминания.

Скаброза. Хорошо. Дело в том, что моя дочь вбила себе в голову, что должна непременно стать придворной дамой Вашей Единственности. Иди сюда, Свинтуся. Поздоровайся с дедулей.

Вахазар (*Свинтусе*). Подойди, детка. Я очень рад, что ты так благоразумна.

Свинтуся. Дедуля, только я не хочу ждать, как все, даже как мама. Я хочу все сразу.

Вахазар. И ты получишь все сразу, дитя мое. (*Скабро-зе.*) Прелестный ангелок. Я сделаю для нее все что смогу. Из придворных дам я воспитываю идеальных механических матерей. (*Угощает Свинтусю конфетами, извлеченными из кар-*

мана шаровар.) Вот тебе конфетки, золотко мое. (*Берет ее за подбородок.*) Какие умные у тебя глазки, моя птичка.

Рыпман (*обеспокоенно*). Ваша Единственность, может быть, Вашей Единственности дурно? Может, вам содовой воды налить?

Вахазар. Ты думаешь, господин Рыпман, я свихнулся от переутомления? Напротив, я себя отлично чувствую. Впрочем, дай воды, если хочешь.

Рыпман подходит к столу с сифоном и наливает воду.

Вахазар (*Скаброзе*). А как же вы – согласны на раздельное проживание? Как раз сегодня, мы разработали окончательный проект воспитания девочек. Замечательная штука. Но только всяческие мамы – вон! На все четыре стороны.

Рыпман приносит воду. Вахазар пьет.

Скаброза. А может, и я тоже, Ваша Единственность? Вдруг и для меня найдется какое-нибудь местечко... Может, вы сделаете одно-единственное исключение, Ваша Единственность?

Вахазар (*отдавая стакан Рыпману*). Нет, сударыня. Я не выношу обыкновенных женщин в своем ближайшем окружении и вообще стремлюсь к тому, чтобы механизировать их полностью. Женский пол я подразделяю на так называемых «истинных женщин» – их я механизировать немилосердно – и на бабетонов, которых я превращаю в мужчин путем пересадки соответствующих желез. Господин Рыпман! Не так ли?

Рыпман. Так точно, Ваша Единственность. (*Скаброзе.*)
Мы получили потрясающие результаты.

Скаброза. Но, Ваша Единственность, я хотела бы остаться собой... Самой собой, только чтоб было хоть чуточку лучше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.